

В.И. Литвинова

Восшествие на Голгофу (Материалы для изучения творчества М. Булгакова в школе)

Творческая биография писателя

15 мая 1891 в Киеве в семье преподавателя духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова родился сын Михаил. У него было еще двое братьев и четыре сестры, воспитанием которых занималась мать, Варвара Михайловна, энергичная и волевая женщина, отличавшаяся тактом и добротой. От нее Михаил Булгаков унаследовал любовь к музыке и книгам. «Мама, светлая королева», – называл он ее в первом своем романе.

Отец писателя был сыном сельского священника и карьерой обязан собственным способностям и трудолюбию. Одновременно с преподаванием в академии он служил в киевской цензуре, получил сан статского советника, благодаря чему Булгаковы сделались потомственными дворянами.

Михаил Булгаков получил прекрасное образование, он окончил Первую Александровскую гимназию, в которой занятия вели специально приглашенные университетские профессора. Романтическое влечение юности сподвигло его поступить в 1909 на медицинский факультет Киевского университета.

В 1913 студент Булгаков женился на дочери столбового дворянина Татьяне Николаевне Лаппа. Он вошел в другой мир, атмосферу родовой аристократии, крупного чиновничества. Родители жены настороженно относились к их браку, и помощь с их стороны была не слишком щедрой, приходилось жить скромно. Единственное удовольствие, которое они себе позволяли, был театр. Неоднократно будущий писатель слушал Шаляпина, приезжавшего на гастроли. Черты шаляпинского Мефистофеля позднее отразились в Воланде, герое знаменитого романа.

Первая мировая война, начавшаяся в 1914, развеяла мечты Булгакова и миллионов его сверстников на благополучное будущее. После занятий в университете он работал в полевых госпиталях.

В 1916 Булгакова направили заведовать земской Никольской сельской больницей, осенью 1917 он заведовал инфекционным отделением земской больницы в Вязьме. Об этом периоде жизни Булгакова можно прочитать в его «Записках юного врача». Удостоверение, выданное будущему писателю земской управой, свидетельствует, что он замечательный врач, подтвердивший красный диплом отличника. Т. Лаппа в своих воспоминаниях упоминает случай из практики Булгакова: он заразился от больного ребенка дифтерией (при отсасывании пленок), лечился морфием и пристрастился к наркотику. В семью пришло горе, заявляющее о себе скандалами, буйством и даже дракой. Булгаков нашел в себе силы и волю бороться с недугом, и пагубная страсть была побеждена. О своих переживаниях Булгаков клинически точно написал в повести «Морфий», след страданий врача-наркомана сохранился и в романе «Столовая гора» («Девушка с гор») Юрия Слезкина.

Сведения о судьбе Булгакова в 1917–1919 отрывочны и фрагментарны. За это время по меньшей мере шесть или семь раз в Киеве менялась власть. Большевики, петлюровцы, немцы с гетманом, деникинцы. Каждая смена власти сопровождалась кровопролитием, всякая новая власть объявляла приказы о призыве в свою армию. Неразбериха в жизни родного Киева, которой сопровождалась постоянные перевороты, калейдоскоп властей и режимов, ни один из которых не был прочным, усиливали его тоску по еще недавнему порядку, взорванному революцией.

При власти белых Булгаков чувствовал себя спокойней, чем при петлюровцах и при большевиках, которые относились к его семье с недоверием и враждебностью.

Разгром белой армии весной 1920 он воспринял как катастрофу и, может быть, оказался бы в числе эмигрантов, если бы не заболел возвратным тифом. Выздоровел он весной 1920, когда в городе были красные, и стал сотрудничать в подотделе искусств местного ревкома. Для осетинской и ингушской театральных трупп он писал пьесы («Сыновья муллы», «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Бег»), где воплотил опыт недавних бурных лет.

С 1922 для Булгакова наступил «самый черный период жизни». Он переселяется в голодную Москву, бедствует, пытается печататься сразу в нескольких газетах и журналах («Гудок», «Красная газета», «Смехач», берлинская «Накануне» и др.). Объектами его сатиры стали нэпманы, пьяницы, скандалисты из коммуналок, базарные торговки. Самые первые месяцы его жизни в Москве послужили материалом для автобиографической повести «Записки на манжетах», но самой популярной среди читателей стала повесть «Дьяволиада» (1924)

«Дьяволиада». В повести открылись основные черты булгаковского таланта: фантастика, корнями врастающая в быт, быстрая, как в кино, смена картин, композиция двухмерная. Здесь была в современных условиях развита и осмыслена введенная в русскую литературу Гоголем тема «маленького человека».

Сюжет сводится к осмыслению маленьким человеком, чиновником Коротковым планов строительства социализма. Бурный темп перемен вызывает патологические изменения в психике героя: двоится время, преследуют видения, то появляется, то исчезает начальник конторы Кальсонер. Мир для Короткова вздыбился. Перестройка управления страной обернулась каруселью ощущений. Жизнь деформируется в голове героя.

В 1925 Булгакову удалось опубликовать в журнале «Россия» две из трех частей романа «Белая гвардия».

«Белая гвардия». Сильной стороной романа является социологически точное изображение массовых движений в гражданской войне, ненависти крестьянства к офицерству, к белым, выразившейся в петлюровщине. Петлюра обретает мифические черты, которые подпитывает «лютая ненависть». После публикации романа в журнале к Булгакову обратился Художественный театр с просьбой написать пьесу по мотивам романа.

Так родились «Дни Турбиных» (1926), поставленные театром и сделавшие автора знаменитым. Большевики выступают здесь некой силой, единственно способной обуздать стихию народных масс, хотя и лишенной нравственного чувства.

Эти сомнения в аллегорической, но достаточно прозрачной форме он изложил во второй фантастической повести «Роковые яйца» (1925). Действие этого произведения перенесено в 1928 год, год предполагаемого экономического взлета уровня жизни народа. Открытие профессора Персикова оборачивается трагедией, оказавшись в руках людей полуграмотных, самоуверенных. Гибнет профессор от рук объятый ужасом толпы. И с ним гибнет его благое открытие.

Несомненно, источником фабулы были романы Г. Уэллса («Пища богов», «Борьба миров»).

«Куриный мир» и меры сопредельных государств по защите от него — это пародия на политику «санитарного кордона», Доброкур — пародия на Доброхим, а Чрезвычайная комиссия по борьбе с куриною чумой — на Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Красный луч, открытый профессором, символизирует у Булгакова революцию в России, навсегда окрашенную в истории красным цветом. Красный луч — это разбуженная революцией энергия народов. Катастрофа, которая происходит из-за небрежного обращения с лучом, предупреждает о возможной трагической судьбе социалистического эксперимента в России.

Что представляет собой профессор Персиков? В апреле 1928 ему 58 лет, то есть Персиков родился в апреле 1870. «Голова замечательная, лысая, с пучками желтоватых волос, торчащим по бокам..., глазки блестящие, небольшие... Говорил скрипучим тонким, квакающим голосом и среди других странностей имел такую: когда говорил что-нибудь веско и уверенно, указательный палец правой руки превращался в крючок... А так как говорил всегда уверенно, ибо эрудиция в его области у него была совершенно феноменальная, то крючок очень часто появлялся перед глазами собеседников...» Имя и отчество героя — Владимир Ипатьевич. Время завершения повести — «Москва, 1924, октябрь». Это своеобразная пародия на Председателя Совета Народных Комиссаров. Персиков симпатичен Булгакову, он феноменально образованный человек, способный на глубокие и искренние чувства. Булгакова волнует не столько личность гения революции, сколько октябрьский эксперимент 1917, беспокоит то, что разбуженная энергия масс будет обращена во зло. Сочувственно В.И. Ленин изображен в очерке «Часы жизни и смерти», рассказе «Возвращение». Некоторыми обстоятельствами ленинской биографии наделена и история Воланда.

Булгаковский сатана творит добро и не вызывает неприязни у читателя. Он выявляет людские пороки, но не изменяет общественной системы. Видимо, по мнению Булгакова, Ленин, хотя и симпатичен как человек, но не в состоянии гарантировать успех начатого социалистического эксперимента, приведшего к трагедии. С 1926 «Роковые яйца» не переиздавались в нашей стране до 1988.

«Собачье сердце» — третья повесть о Москве «прождала» своей публикации 62 года. Написана она была в 1925, но прочитавший ее руководитель партии Л. Каменев отозвался: «Это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя», перечеркнув фразой доступ произведения к читателю.

В какой-то степени фабула повести напоминает «Остров доктора Моро» Г. Уэллса и связана с идеей очеловечивания животных. Опыт добрейшего профессора Преображенского оканчивается провалом: добродушный Шарик перенимает худшие черты своего донора и превращается в зловещего люмпен-пролетария Полиграфа Полиграфовича.

В «Роковых яйцах» была показана неготовность общества уважать труд, культуру, знания. В «Собачьем сердце» выясняется, что идеалы революции оказались низведены до уравниательства всех и вся. Безграмотные шариковы оказываются идеально приспособлены к новой жизни, именно они осуществляют власть в стране.

В мае 1926 у Булгакова был произведен обыск и арестована рукопись. Лишь через три года по ходатайству М. Горького рукопись была возвращена автору, и он сжег ее. Однако в ОГПУ с «Дела» была снята копия, которую КГБ в 1989 передал в ЦГАЛИ и по которой булгаковские дневники были опубликованы в феврале 1990 в журнале «Театр». Поистине «рукописи не горят».

В 1924 Булгаков развелся с Т. Лаппа, этим была как бы подведена черта под «домосковским» периодом биографии писателя.

Брак с Л. Белозерской вводил Булгакова в среду старомосковской интеллигенции, что усилило внимание писателя к драматургии. В середине 1920-х на сценах театров с успехом шли две пьесы — «Зойкина квартира» (комедия в театре Вахтангова) и «Багровый остров» (в камерном театре А. Таирова).

Главной же пьесой для Булгакова стала созданная в 1926–1928 пьеса «Бег».

«Бег». В центре пьесы — образ генерала Хлудова, прототипом которого был поручик белой гвардии Я. Славцов, признавший в 1921 советскую власть, служивший ей в частях Красной Армии. Судьба пьесы складывалась лихорадочно: ее то запрещали, то разрешали.

1929. Ситуация резко ухудшилась. Нападки критики на Булгакова достигают своего апогея. «Бег» назван «антисоветским явлением», запрещены все три его пьесы. «Великий вождь и учитель» ставит на Булгакова клеймо «безусловно чужого человека» («Дни

Турбиных» Сталин смотрел во МХАТе пятнадцать раз), после такой аттестации рассчитывать на публикации Булгакову не приходилось. Он пытался изменить ситуацию: в письме секретарю ЦИК СССР А. Енукидзе просит отпустить с женой за границу «на тот срок, который Правительство Союза найдет нужным назначить мне».

Пока ждет ответа — работает, в 1929 пишет первую редакцию «Мастера и Маргариты», заканчивает работу над пьесой «Кабала святош», которую запрещают к постановке в 1930. Булгаков в отчаянии сжигает рукописи. 28 марта 1930 опальный драматург обращается с письмом к Правительству СССР: «Я — мистический писатель, в моих сатирических повестях изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызвали глубочайшие страдания моего учителя М.Е. Салтыкова-Щедрина».

Писатель подчеркнул, что он, «наравне со своими героями, получает несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченным человеком в СССР».

1931–1939. Булгаков, как свидетельствуют все его произведения, всегда был поборником общечеловеческих ценностей и гуманистических идеалов, а из всех свобод более всего ценил творческую свободу. В его время эта мысль была крамольной и предопределила литературно-театральную судьбу писателя на родине:

- запрещается к постановке пьеса «Адам и Ева» (1931);
- невостробованными остались киносценарии по «Ревизору» и «Мертвым душам» Гоголя (1932);
- отвергнут редакцией серии ЖЗЛ роман «Жизнь господина де Мольера» (1933);
- не вышла на сцену комедия «Иван Васильевич» (много позже переложенная в киносценарий фильма «Иван Васильевич меняет профессию») (1935);
- не увидела свет пьеса «Пушкин», написанная в соавторстве с В. Вересаевым (1936);
- не прозвучали в Большом театре либретто «Черного моря», «Минина и Пожарского», «Петра Великого», «Рашели» (1937–1939).

Булгаков осознавал безнадежность ситуации с публикацией своих произведений: «Недавно подсчитал: за 7 последних лет я сделал 16 вещей, – пишет он В. Вересаеву, – и все они погибли... Наивно думать, что пойдет 17-я или 19-я. Работаю много, но без всякого смысла и толка. От этого я нахожусь в апатии».

В письме Сталину от 30 мая 1931 он утверждал: «Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит, был ненастоящий. А если настоящий замолчал — погибнет».

Причина моей болезни (Булгаков страдал тяжелой формой неврастения) — многолетняя затравленность, а потом молчание».

Вынужденное молчание угнетало того, кто сегодня заслуженно назван великим русским писателем. Его поколение переживало время большого террора. На собраниях коллективов по всей стране разоблачали «врагов народа». В числе репрессированных оказались и недавние булгаковские гонители В. Блюм, Л. Авербах, В. Киршон, А. Афиногенов. Булгаков не пошел на собрание московских драматургов «клеить позором» своих недоброжелателей. А в самый разгар ежовщины он отправил Сталину письмо, в котором просил смягчить судьбу сосланного драматурга Н. Эрдмана. Такое заступничество легко могло привести самого просителя в ссылку или лагерь.

Все творческие силы в 1930-е годы Булгаков отдал роману «Мастер и Маргарита». В архиве сохранилось 8 вариантов романа. Когда видишь листы рукописи, испещренные

правкой, восхищаешься тщательностью, с которой автор художественно гравировал свой роман.

Булгаков уже не пытался хлопотать об издании романа. Для него оставался лишь суд вечности.

П. Попов — автор первого биографического очерка о Булгакове (очерк был написан вскоре после смерти Булгакова, в 1940, а издание его не состоялось из-за начавшейся войны) предрекал судьбу «Мастера и Маргариты»: «Сейчас роман неприемлем. Должно пройти лет 50–100».

Еще в 1938 Булгаков нашел у себя признаки болезни, рано уведшей в могилу его отца. Надеялись, что самодиагноз ошибочен, но мысль о близкой смерти не покидала писателя. Эти настроения усиливались под тяжестью ударов судьбы, испытывавшей его на долготерпение в течение последних 10 лет.

Желание вечного покоя, которое владело Мастером, становилось собственным. Это отразилось в финале новой пьесы, написанной по договору с театром им. Вахтангова в 1938 по мотивам романа Сервантеса «Дон Кихот».

«**Дон Кихот**». Булгаков взял из 76 глав книги наиболее популярные приключения и построил пьесу так, что она ни в какой мере не искажала и не переиначивала ни замысла автора, ни самого духа его творения. Лишь в финал пьесы он внес новое: сервантесовский Дон Кихот передает булгаковское состояние несвободы творчества: «Он (рыцарь Белой Луны) лишил меня самого драгоценного дара, которым награжден человек, — он лишил меня свободы! На свете много зла, Санчо. Но хуже плена нету зла! Он сковал меня, Санчо!»

«**Батум**» (1935) была последней пьесой Булгакова, задуманной им. Она о молодом Сталине, и была закончена через три года после долгих уговоров со стороны мхатовской администрации, мечтавшей поставить пьесу к 60-летию вождя. Булгаковского мастерства в этой пьесе не обнаружил ни один критик, зато многие отметили «ходульность образов», «примитивность интриги», «отсутствие полутеней» и т. д. По личному указанию Сталина, мало разбиравшегося в художественности, в середине августа «Батум» был запрещен к постановке: «Все дети и молодые люди одинаковые. Не надо ставить пьесу о молодом Сталине».

Булгаков узнал о запрете пьесы 15 августа в поезде. В тот же день произошло обострение наследственного невросклероза, который подтвердили врачи, и установили 2–3 недели жизни писателю. Он прожил более полугода, напряженно правя роман, наверное, работа над «Мастером и Маргаритой» поддерживала в нем жизнь. 10 марта 1940 писателя не стало. Роман «Мастер и Маргарита» остался самым значительным памятником русской литературы 1920–30-х годов.